

Четвергъ, 10 февраля 1911 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 1316.

В. Э. Коммиссаржевская.

(Къ годовщинѣ со дня смерти).

Статья Осипа Дымова.

Про нее писали:

— Коммиссаржевская не историческая фигура, но она наша родная, своя, бесконечно-близкая, милая.

Но въ семьѣ пятидесяти миллионнаго народа милыхъ могилъ не бываетъ, не можетъ быть. У народа есть историческія могилы, гдѣ похоронены бранные останки историческихъ личностей, и такія могилы достойны уже не слезъ, а великихъ традицій и памяти на времена и времена. Не суетная скорбь собрала десять тысячъ у маленькаго, плотно и глухо запаяннаго цинковаго гроба, а глубокое преклоненіе предъ этой странной прекрасной актрисой, жизнь которой послѣ точки, поставленной въ Ташкентѣ, вдругъ вся освѣтилась ровнымъ немеркнувшимъ свѣтомъ исторіи.

Въ какую грандіозную демонстрацію горя, любви и одиночества превратились похороны Коммиссаржевской! Люди, старше меня, говорили, что со времени Тургенева не было такихъ похоронъ. Не боясь впасть въ преувеличеніе, можно смѣло сказать, что смерть Коммиссаржевской явилась національнымъ народнымъ трауромъ. И это уже первый отвѣтъ на мнѣніе:

— Она не была исторической фигурой.

Историчность какой-либо личности имѣть въ виду не размѣры ея, а ея положеніе, ея характеръ, ея окраску.

Вспомнимъ образы, созданные Коммиссаржевской. Оглянемся на длинную вереницу всѣхъ этихъ Маривъ, Элинъ, Норъ, Безпрданницъ, Дикарокъ, Сестеръ Беатрисъ, героинь Зудермана, Шницлера, Чехова, Потапенко, Трахтенберга, Метерлинка и д'Аннунціо. На всѣхъ этихъ женщинахъ чья короткая, яркая, поэтическая и

оскорбленная жизнь длилась менѣе чѣмъ четыре часа—отъ восьми до половины двѣнадцатаго—на всѣхъ этихъ женщинахъ, рожденных силой вдохновенія покойной актрисы, лежала печать какой-то экзотичности и чего-то иноземнаго, иностраннаго въ лучшемъ значеніи этого слова. У нея было множество и порою даровитыхъ подражательницъ. Почти весь русскій театръ за послѣднія семнадцать-восемнадцать лѣтъ былъ овѣянъ своеобразнымъ очарованіемъ этой удивительной актрисы. Иноземность и экзотичность, которыя она такъ щедро и ярко вливала въ русскій театръ и оттуда въ русскую жизнь—были не прихотью или капризомъ ея, не случайнымъ налетомъ, не излишествомъ—въ чемъ ее часто упрекали,—а имѣли глубокіе, цѣпкіе и надежные корни въ черноземъ русской дѣйствительности. Всѣмъ своимъ существованіемъ, всей дѣятельностью она была органически связана съ основными нотами русской дѣйствительности, ея времени, и ея жизнь была какъ-бы цвѣткомъ на стеблѣ нашего еще слишкомъ близкаго и слишкомъ памятнаго прошлаго.

За два послѣднихъ десятилѣтія Россія подвергалась сильному непрерывному вліянію Европы. Цѣлый рядъ идей, настроеній, мыслей, именъ проникъ въ Россію съ запада—и эти идеи и настроенія своеобразно окрашивались на русской почвѣ.

Уже начиналась борьба съ матеріалистическимъ мирозерцаніемъ, съ Михайловскимъ, съ догмами марксизма. Въ сознание русскаго общества были брошены новыя мысли, новыя предчувствія, навѣваемая сосѣдствомъ Европы. Въ большую публику все сильнѣе проникали геніальныя догадки Ницше, его огненные парадоксы, его безумныя, по смѣлости, мечтанія. Цѣлая фалан-

га именъ, до сего у насъ совершенно невѣдомыхъ, переводится на русскій языкъ. „Сѣверный Вѣстникъ“ печатаетъ странную волнующую необычную драму подъ названіемъ „Гедда Габлеръ“, прекраснаго незнакомца Генриха Ибсена.

Имена Гауптмана, Шницлера, Метерлинка, л'Аннунціо, Ростана, Пшибышевскаго, Зудермана и др. дѣлаются обычными даже въ глухой провинціи.

Обновленный новый стихъ, новые напѣвы, новый ритмъ поэтического склада доходить къ намъ въ этотъ-же періодъ. Мы знакомимся съ Малармэ, Бодлеромъ, Верленомъ. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ теченій, идущихъ съ запада, возникли тѣ имена русскихъ поэтовъ, которыя сейчасъ общепризнаны: вспомнимъ хотя бы Бальмонта и Брюсова.

Уже затихала оглушительная слава Надсона и меньше читался Некрасовъ.

Въ критической и публицистической мысли появились и заставляли себя слушать русскіе европейцы: Мережковский, Волынский и Минский.

И надъ всѣмъ этимъ, какъ русское низкое прекрасное небо, парилъ Чеховъ.

Въ эту эпоху, въ это время, на этомъ фонѣ появился и выросъ въ одну ночь, въ одинъ театральнѣй вечеръ талантъ Комиссаржевской. Она не училась играть, она пришла и сказала то, что было нужно—сразу, безъ подготовки, такъ, какъ поэтъ птица въ лѣсу. Отъ неудавшейся личной жизни она кинулась на атмосферу эпохи. Съ необыкновенной чуткостью она уловила ритмъ жизни, дыханіе эпохи. Она какъ бы была уполномочена нашимъ поколѣ-

ніемъ на вдохновеніе и въ этомъ была сущность ея таланта и ея незабываемое значеніе. Смутныя исканія русской молодежи, чаянія задыхающейся, подневольно молчавшей страны, мечты о томъ, что жизнь можетъ, жизнь должна быть прекрасной, отразились и совпали съ удивительнымъ дарованіемъ Комиссаржевской.

Ея служеніе театру было похоже на какое-то предопредѣленіе, на исполненіе чьей-то скрытой воли и, когда она говорила на сценѣ—пусть чужія слова, пусть реплики нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ авторовъ—поистинѣ ея устами говорила сама эпоха, на-двигающіяся переживанія русской исторіи.

Ларисса Островскаго, вѣроятно, была иначе задумана авторомъ, и Нора также, и Марикка Зудермана также, и Элина у Гамсуна также. Но за зудермановской Мариккой, и за Диваркой и за всѣми фигурами ея репертуара въ ея воспроизведеніи вставалъ духовный обликъ новой, современной намъ близкой женщины. Она пользовалась репликами авторовъ, ихъ словами, ихъ техникой, ихъ изображеніемъ и, какъ поэтъ, какъ истинный художникъ, создавала, рождала, воплощала свой замыселъ, свое отношеніе къ міру. Она дала и за-вѣшала намъ образъ новой женщины, которой близки были всѣ тончайшія трепе-

танія нашего времени, всѣ исканія и переживанія, всѣ возможности и всѣ дерзновенія. Она стояла на рубежѣ двухъ столѣтій, на грани эпохъ, на сквознякѣ, обвѣваемая всѣми вѣтрами, которые приносились съ запада и съ востока, съ юга и съ сѣвера. И это ея мѣсто было исторически нужно, исторически вѣрно и почвенно. Ея женщина—дочь эпохи, та, которую Комми-

ссаржевская создавала съ восьми до половины двѣнадцатаго, какъ бы говорила:

— Мы тѣсно въ рамкахъ территоріи, языка, быта, религіи. Мы нуженъ весь земной шаръ, мысли всѣхъ языковъ и всѣхъ странъ. И еще больше!

Она всегда и неизмѣнно говорила о порывахъ новой современной женщины и тѣмъ самымъ шла современной Россію.

Коммиссаржевская была вѣщей птицей, она была изумительная Сони изъ „Дяди Бани“. Она была бѣлой чайкой на берегу надвигающейся рѣки русской исторіи. Въ ея голосѣ угадывалось, что-то вѣщее, и во взмахъ ея бѣлыхъ крыльевъ былъ отвѣтъ идеи, пославшей и благословившей ее на служеніе и подвигъ.

Такова ея жизнь, тѣсно сплетенная съ духовными переживаніями ея современнаго поколѣнія, съ исканіями новыхъ формъ во всѣхъ областяхъ мысли, съ историческимъ моментомъ, пережитымъ страной. Но такова и ея смерть. Истинно-историческія фигуры освѣщены особымъ свѣтомъ жестокой логики: онѣ живутъ и умираютъ вмѣстѣ со своимъ временемъ — какъ уми-

Господа „истина живетъ 17—18 лѣтъ“—сказалъ Ибсенъ, одинъ изъ любимыхъ авторовъ покойной Коммиссаржевской; 17—18 лѣтъ, т. е. одно поколѣніе, т. е. время, нужное для того, чтобы явилась и развилась новая генерация съ

Другими, новыми настроеніями и съ новой истиной.

Ровно 17—18 лѣтъ длилась дѣятельность Коммиссаржевской. Именно столько времени она пробыла на сценѣ и умерла

въ тотъ моментъ, когда сказала: „Я уйду изъ театра“. Какъ будто на точѣйшихъ вѣсахъ было взвѣшено ея существованіе—да, на вѣсахъ исторіи: они всегда точны.

Нора, въ глухую ночь, покинувъ мужа, дѣтей и уютъ домашняго очага, уходитъ... Куда? Самъ Ибсенъ не могъ на это отвѣтить. Но теперь мы знаемъ куда: въ Ташкентъ, въ одинокую комнату провинціальной гостиницы, въ больницу и въ глухо и плотно запаянный цинковый гробъ. Закончился путь, закончилось исканіе чуда. Но развѣ смерть ея не была предсказана ею самой? И много разъ громко, во всеуслышаніе? Та новая женщина, которая изъ нѣжныхъ струнъ души покойной Вѣры Феофоровны рождалась каждый вечеръ въ 8 часовъ съ поднятіемъ занавѣса и, переживъ меньше чѣмъ въ четыре часа всю свою тонкую глубокую одухотворенную женскую жизнь,—развѣ она не умерла въ послѣднемъ актѣ—внезапно, грубо, неожиданно, какъ отъ руки палача? Въ каждой пьесѣ былъ предсказанъ путь Коммиссаржевской. Мы все это видѣли, знали, но боялись вѣрить, не хотѣли вѣрить.

Окончился подвигъ, исполнена миссія и она ушла. Прилетятъ другія вѣтви и споютъ другія пѣсни.

раетъ капитанъ на своемъ тонущемъ кораблѣ.

Сейчасъ на нашихъ глазахъ кончилась какая-то очень важная полоса жизни. Балансъ началъ сводиться съ 1905 года и окончательный подсчетъ сводится теперь. Разбить огромный запасъ надеждъ, не осуществились чаянія. Мы переживаемъ политическій и общественный кризисъ. Объ этомъ не стоитъ распространяться.

На берегу рѣки русской исторіи Коммиссаржевская была первой ласточкой новаго искусства, которое не знаетъ границъ языка, территоріи, государства, быта и расцвѣтаетъ внѣ лингвистики, внѣ условностей, внѣ всякихъ внѣшнихъ рамокъ. Она черпала матеріалъ для воплощенія своихъ поэтическихъ созданій отовсюду, гдѣ только находила: у Чехова и Ибсена, у Зудермана и Потапенко. Потому что человеку нужно не столько-то и столько земли, а весь земной шаръ. Оставаясь вѣрной дочерью эпохи, выражая голосъ времени — она работала на дѣло вѣвременнаго искусства, умерла за высшую цѣнность человѣческаго духа, свободной отъ рамокъ, не стѣсненную внѣшними условіями.

Коммиссаржевской уже нѣтъ. Но есть и будетъ жить всегда прекрасная легенда о Коммиссаржевской. вмѣстѣ съ этой удивительной актрисой умерла полоса исторіи. Смерть Коммиссаржевской это—смерть нашей молодости.

10-го февраля 1910 г. мы потеряли ее, отдавъ могилѣ. Но мы вторично должны отдать ее—исторіи. Въ этомъ одномъ наше великое сокровище смиренныхъ, наше молчаливое и глубокое утѣшеніе.

(„Всѣобщ. журн.“).

Осипъ Дымовъ.

